

воспринимать какие-либо объекты или информацию, потому что их внимание отвлечено или сосредоточено на чем-то определенном [7].

Именно «слепота невнимания», достигнув своего апогея в 2014 году, усугубила кризисную ситуацию взаимоотношений России и Германии и затронула отношения практически во всех сферах взаимодействия, будь то спорт, культура, образование, экономика или политика. Несмотря на то, что ситуация на конец 2021 года показывала, что Россия и Германия сохраняли диалог и оставались важнейшими партнерами друг для друга, сохранялись и санкции. И это говорит нам о том, что за несколько лет актерам не удалось достичь расширения фрейма и найти точки соприкосновения в российско-германском диалоге.

Источники и литература:

1. Александр Шульгин: ОЗХО и ФРГ в «деле Навального» играют с Россией в пинг-понг [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 25.09.2020. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/interview/728512>. – Дата доступа: 16.04.2022.
2. МИД ФРГ объявил двух сотрудников посольства РФ персонами нон грата [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 15.12.2021. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/809635>. – Дата доступа: 16.04.2022.
3. Российско-германские политические отношения. Досье. [Электронный ресурс] // ТАСС. – 17.08.2018. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/5466863>. – Дата доступа: 16.04.2022
4. Тренин, Д. Россия и Германия: от отчуждения к новому соседству [Электронный ресурс] / Д. Тренин // Московский центр Карнеги. – 31.05.2018. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/2018/05/31/ru-pub-76473>. – Дата доступа: 16.04.2022.
5. Трунов, Ф.О. Позиции России и Германии по «сирийскому вопросу»: взаимодействие или взаимное отчуждение? / Ф.О. Трунов // Россия и современный мир. – 2016. – № 4(93). – С. 145–160.
6. Штайнмайер исключил нормализацию отношений с Россией при Путине [Электронный ресурс] // Немецкая волна. – 05.04.2022. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/shtajnmajer-iskljuchil-normalizaciju-otnoshenij-s-rf-pri-putine/a-61361657>. – Дата доступа: 16.04.2022.
7. Bock, A. Die unsichtbare Bedrohung. Kuba, die Ukraine und das Phänomen der Unaufmerksamkeitsblindheit [Electronic resource] / A. Bock // Zeitschrift Außen Sicherheitspolit. – 2015. – № 8. – S. 505–550. – Mode of access: <https://doi.org/10.1007/s12399-015-0533-1>. – Date of access: 16.04.2022.

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТОВ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА УКРАИНСКОГО КРИЗИСА**

Д.А. Белашенко (Нижний Новгород)

Украинский кризис стал одним из главных процессов, влияющих на трансформацию современной системы международных отношений и действующего миропорядка. Стоит подчеркнуть, что происходящие изменения можно разделить на несколько типов:

1. По масштабам воздействия выделяются глобальные, макрорегиональные, региональные, субрегиональные и страновые (т.е. влияющие на конкретную страну или страны).

2. По характеру воздействия: влияющие прямо, косвенно (опосредованно), символически.

В рамках данной работы нами рассматривается потенциальное влияние Украинского кризиса на действующие («замороженные») либо урегулированные (с точки зрения России) конфликты на территории бывшего СССР. К первым относятся конфликты между Молдовой и Приднестровской Молдавской Республикой (ПМР) и противостояние между Азербайджаном и Арменией вокруг Нагорного Карабаха. Ко вторым – Абхазия и Южная Осетия, чью независимость Россия признала в августе 2008 г., однако большинство стран мира продолжают считать их территориями Грузии.

Тема возможной «разморозки» конфликтов на постсоветском пространстве и последующей эскалации напряженности в регионе оставалась актуальной на протяжении последних десятилетий. Однако вплоть до 2014 г. в регионе отсутствовали масштабные процессы и явления, в перспективе способные оказывать влияние не на отдельный конфликт, а на все одновременно. Таким триггером, в итоге, стал Украинский кризис и произошедшие во время его развития события, связанные с реинтеграцией Крыма и конфликтом в Донбассе.

Необходимо отметить, что Украина пыталась оказывать влияние на постсоветские конфликты задолго до начала кризиса. Активная политика по их урегулированию (не вышедшая, правда, за рамки заявлений и деклараций) в 2005–2008 гг. осуществлялась, в частности, Организацией за демократию и экономическое развитие – ГУАМ (ОДЭР-ГУАМ), членами которой являются Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова [4, с. 89–90]. Однако этот процесс можно считать частным случаем проявления Украиной инициативы по стабилизации ситуации на постсоветском пространстве.

По мнению российского исследователя С.М. Маркедонова, характер влияния Украинского кризиса на ситуации вокруг ПМР, Нагорного Карабаха, Абхазии и Южной Осетии неоднороден и в каждом конкретном случае зависит от набора факторов и возможностей киевского руководства. Так, он разделяет влияние Украины и Украинского кризиса на этнополитические конфликты на постсоветском пространстве на «символическое, идеологическое и военно-политическое» [6, с. 951].

К первому, «символическому», типу относится влияние Украины на ситуацию вокруг Абхазии и Южной Осетии, где возможности Киева изначально были ограничены и проявлялись лишь в консолидированной позиции с Тбилиси, основанной на признании территориальной целостности Грузии и попытках педалировать тему создания миротворческого батальона ГУАМ для использования его в зоне конфликтов. После августа 2008 г. пространство для манёвра для Киева максимально сузилось.

Второй тип влияния, «идеологический», можно наблюдать в случае нагорно-карабахского конфликта. Украина последовательно позиционировала себя в качестве важного партнера Азербайджана, совместно с Турцией создавая противовес российской поддержке Армении. Заинтересованность Киева в прочных и продуктивных отношениях с Баку заключалась в

необходимости диверсифицировать источники энергопоставок. В то же время действия Киева не ограничивались лишь символическими жестами, а имели и практическую составляющую, выражавшуюся, например, в масштабных поставках оружия Баку [2, с. 11–48]. После событий февраля – сентября 2014 г. Украина активно старалась «уравнять» в информационном пространстве события в Нагорном Карабахе, Крыму и Донбассе, надеясь получить поддержку Азербайджана в реинтеграции утраченных и неподконтрольных территорий.

Третий тип влияния, «военно-политический», характерен для роли Украины в Приднестровском конфликте. На протяжении постсоветского периода Киев неоднократно менял свою позицию и модель поведения, выступая то посредником между Кишиневом и Тирасполем, то инициатором мирных инициатив, то жестким сторонником единой унитарной Молдовы. После начала Украинского кризиса Киев, пользуясь фактором наличия общей границы с ПМР, неоднократно поднимал тему возможного решения конфликта военным путем, пытаясь тем самым оказать влияние на Россию, являющуюся одним из участников процесса урегулирования конфликта. В Военной доктрине Украины 2015 г. в качестве одной из главных угроз названо «присутствие военного контингента РФ в Приднестровском регионе Республики Молдова, который может быть использован для дестабилизации ситуации в южных регионах» [8]. Таким образом, можно говорить о качественном переосмыслении Киевом своей позиции по приднестровскому вопросу.

После начала Специальной военной операции (СВО) России 24 февраля 2022 г. фактор Украины в развитии постсоветских конфликтов вновь актуализировался. Утратив возможность системно влиять на процессы в рамках постсоветского пространства, Киев старается использовать факт наличия конфликтов для облегчения внутренней ситуации в стране. Так, в марте текущего года глава Совета национальной безопасности и обороны Украины (СНБОУ) А.М. Данилов призвал страны, которые имеют «территориальные претензии» к России, начать войну за оспариваемые земли. К числу потенциальных «претендентов» он отнес Грузию, Молдову, Польшу и Японию [3].

В условиях СВО Украина использует любую возможность для внешнего давления на Россию. Отвлечение внимания Москвы на урегулирование ситуации с конфликтами на постсоветском пространстве стало бы важной «передышкой» для Киева в ходе боевых действий. При этом Украина пытается использовать имеющиеся возможности для влияния на Азербайджан, Грузию и Молдову. Однако в первых двух случаях возможности Киева серьезно ограничены, подтверждением чего стала, в частности, позиция официального Тбилиси, осудившего СВО России, но отказавшегося от комплексного участия в антироссийских санкциях (особенно в их экономическом блоке) [5]. Несмотря на то, что в грузинском обществе и политическом истеблишменте есть запрос на реваншизм и силовое решение абхазского и юго-осетинского вопросов, в обозримой перспективе реализация военного сценария не представляется возможной.

Азербайджан в конце марта текущего года пошел на незначительное обострение ситуации в Нагорном Карабахе, но период и масштаб эскалации оказались недостаточными для серьезного отвлечения внимания Москвы от СВО [9]. В то же время последовавшие за этим шаги с возвращением азербайджанских войск на исходные позиции и особенно начавшееся сближение Баку и Еревана в вопросе мирного урегулирования [1] не позволяют рассматривать нагорно-карабахский конфликт в качестве реального инструмента в политике Киева по дестабилизации ситуации на границах России или ее союзников.

Главным рычагом давления Украины среди постсоветских конфликтов остается ПМР. С начала СВО украинские политики и военные активно используют приднестровскую карту в информационной войне. Киев неоднократно угрожал Тирасполю военным вторжением, чтобы «купировать российскую угрозу», которая якобы исходит с территории ПМР. Кроме того, ПМР обвиняли в том, что с ее территории наносятся ракетные удары по украинским объектам [7]. Молдова, в свою очередь, несмотря на предложения со стороны Украины восстановить территориальную целостность, отказалась от участия в каких-либо боевых действиях и не поддержала экономический блок антироссийских санкций.

Таким образом, перспектива развития ситуации вокруг постсоветских этнотерриториальных конфликтов в настоящий момент (середина апреля 2022 г.) остается неопределенной. Во многом дальнейший сценарий будет зависеть от развития СВО и ее итогов (окончательных или промежуточных). В случае успешного для России варианта развития событий с повестки дня на длительную перспективу будет снят вопрос Абхазии, Южной Осетии и ПМР. При неудачных итогах СВО фактически неизбежной является эскалация конфликтов. При этом в ПМР боевые действия могут начаться и в первом случае, если Украина будет пытаться втянуть в конфликт Молдову и Румынию.

Особняком в данном случае стоит нагорно-карабахский конфликт, где Азербайджан и Армения также могут попытаться использовать итоги СВО в свою пользу в рамках мирного урегулирования. Например, Баку в случае неоптимального исхода Украинского кризиса для России может поднять вопрос о выводе российских миротворцев из Нагорного Карабаха.

При неопределенности итогов СВО, тем не менее, можно с уверенностью констатировать, что нынешний этап Украинского кризиса при любом раскладе прямо или опосредованно приведет к серьезным геополитическим изменениям в европейской части постсоветского пространства и Закавказье, а, следовательно, и к трансформации всего региона.

Источники и литература:

1. Азербайджан и Армения договорились получить главам МИД заняться подготовкой будущего мирного договора – президент Совета ЕС [Электронный ресурс] // Trend.az. – 2022. – 7 апреля. – Режим доступа: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3578616.html>. – Дата доступа: 17.04.2022.

2. В ожидании бури: Южный Кавказ / М.С. Барабанов [и др.] ; под ред. К.В. Макиенко. – М. : Центр анализа стратегий и технологий, 2018. – 200 с.

3. Глава украинского СНБО призвал Польшу, Грузию и Молдавию вступить в войну с Россией [Электронный ресурс] // RuPosters. – 2022. – 27 марта. – Режим доступа: <https://ruposters.ru/news/27-03-2022/glava-ukrainskogo-snbo>. – Дата доступа: 17.04.2022.
4. Деятельность ГУАМ на постсоветском пространстве: намерения, результаты, перспективы / Д.А. Белашенко [и др.] // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14. – № 3. – С. 84–105.
5. Казакова, А. Киев поссорился с Грузией из-за антироссийских санкций [Электронный ресурс] / А. Казакова // РИА Новости. – 2022. – 2 марта. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220302/gruziya-1775899557.html>. – Дата доступа: 17.04.2022.
6. Маркедонов, С. М. Украинский кризис: воздействие на постсоветские конфликты / С.М. Маркедонов // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – № 2. – С. 951–962.
7. Молдова не будет принимать военного участия в конфликте в Украине – президент [Электронный ресурс] // Интерфакс-Азербайджан. – 2022. – 2 марта. – Режим доступа: <http://interfax.az/view/860528>. – Дата доступа: 17.04.2022.
8. Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 2 вересня 2015 року “Про нову редакцію Воєнної доктрини України” [Электронный ресурс] : Указ Президента України, 24 вересня 2015 року, №555/2015 // Президент України Володимир Зеленський. Офіційне інтернет-представництво. – Режим доступу: <https://www.president.gov.ua/documents/5552015-19443>. – Дата звернення: 17.04.2022.
9. Российские миротворцы установили контроль над территорией Нагорного Карабаха [Электронный ресурс] // Известия. – 2022. – 28 марта. – Режим доступа: <https://iz.ru/1311384/2022-03-28/rossiiskie-mirotvortcy-ustanovili-kontrol-nad-territoriei-nagornogo-karabakha>. – Дата доступа: 17.04.2022.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС КАК КАТАЛИЗАТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Д.А. Белашенко, В.В. Сикираж (Нижний Новгород)

В XXI в. постсоветское пространство претерпевает значительные изменения, связанные как с развитием внутренних процессов, так и с влиянием внешних факторов. За два с небольшим десятилетия регион столкнулся с фрагментацией и фактическим расколом на основе противостояния европейского и евразийского интеграционных проектов («дилемма интеграций»), многочисленными удачными и неудачными (с точки зрения организаторов) цветными революциями, эскалацией замороженных конфликтов и возникновением новых «горячих точек», территориальными изменениями и прочими серьезными потрясениями. Апофеозом трансформаций, происходящих на постсоветском пространстве, безусловно, стал Украинский кризис, вышедший далеко за географические рамки бывшего СССР. Антиконституционный переворот в Украине в 2014 г. и последовавшие за этим события в Крыму и Донбассе, а также действия внешних (в т.ч. внерегиональных акторов) выступили в качестве триггера этапа турбулентности как внутри страны, так и в рамках существующего миропорядка и современной системы международных отношений.

Предпосылки кризиса и последовавшего резкого ухудшения российско-украинских отношений можно проследить еще до Евромайдана, начавшегося в ноябре 2013 г., когда украинская власть во главе с президентом В.Ф. Януковичем балансировала между присоединением к Таможенному союзу в рамках